

23 апреля 2003 г.

— Что у нас осталось, — устало спросила Ольга, зябко ежась возле костра.

— Лишь один спальник, два рюкзака с продуктами, мой пистолет и карабин Олега.

— Чур, спальный мешок мой! — Поспешила застолбить его за собой Оль-га.

— А что ты мне прикажешь делать? Всю ночь сидеть у костра, или бегать вокруг него, чтобы не замерзнуть ночью? Всю ночь греться, бегая по берегу? А веслами утром грести будешь ты? Наша лодка находится где-то здесь. Ее должно было прибить к бере-гу. Ее не должно унести.

— Не можем же мы спать в мешке вместе, — тихо возразила она.

— С Женей же Вы спали, почему нельзя со мной?

— Потому, что Женя был моим мужем...

На слове «был», которое ей пришлось применить в отношении недавно погибшего Жени, голос Ольги невольно дрогнул. Она возражала потому, что в одноместном мешке можно было спать лишь тесно обнявшись, плотно вжимаясь друг в друга. У Жени, когда они ложились в него, всегда начиналась сильная эрекция, и он всегда находил внутри нее теплое, уютное гнездышко для возбужденного члена. Лечь в один мешок с Сергеем, неминуемо означало стать его женщиной. Она боялась этого, потому что любила его. Близость ее тесно прижатого полуобнаженного тела, непременно будет вызывать у него сильное возбуждение, и он наверняка пристанет к ней, а она не выдержит и уступит ему. Этого быть не должно, хотя бы сейчас, когда недавно погибли близкие им люди.

Еще вчера, когда умиротворенный близостью с ней, Женя крепко заснул, она долго с завистью прислушивалась к возне и приглушенным стонам жены Сергея, по-женски остро завидуя ей.

Увы! Ее Женя не отличался какими-то особыми сексуальными доблестями, и после близости с ней, постоянно оставлял ее до конца неудовлетворенной. Постоянное сексуальное желание было ее крестом. И вот, сейчас, Сергей говорит ей, что им, придется спать вместе, она ужасно боялась выдать себя. Выдать перед ним свое неистовое, пожирающее ее желание. Ее неудержимо затрясет, едва он окажется рядом с ней, едва коснется ее тела. Интересно, а что думает об этом он? Неужели он не понимает того, что им просто нельзя ложиться вместе. Она не ведала, что чувствует он, лежа рядом с ней в тесном мешке. Она же чувствовала себя просто ужасно. Трудно быть совершенно спокойной, когда прижимаешься грудью, бедрами, всем телом к твердому мускулистому телу мужчины, ощущаешь его дразнящий запах.

Она пролежала до утра, злясь на его деревянную неподвижность. Неужели она стала настолько не привлекательна, что можно спокойно рядом спать и даже всхрапывать, крепко прижимаясь к ее телу? Усталость все-таки сморила ее, и она не слышала, как облегченно вздохнул лежавший рядом с ней без сна Сергей. Она очень заблуждалась, считая его бесчувственным бревном, с полным отсутствием чувств и желаний. Он также жаждал ее, но, ему что-то мешало. Может быть, незримое присутствие недавно погибшей жены. Она уже никогда не вернется к нему, но вдруг она все-таки не погибла?

Он осознавал, что это невозможно, но не мог переступить через это.

Утром, он разбудил ее.

— Оля, я отыскал нашу лодку. Немного подремонтирую ее, и мы можем продолжать плыть

дальше.

— Нашел?! А... еще когонибудь, нашел? — Спросила она, не ожидая от него положительного ответа, ведь Олег, Женя и Лена погибли на их глазах.

— Нет, рядом с ней больше ничего не было. Они погибли. Ты же сама видела это на перекате Оля.

Ольга, горько и безутешно разрыдалась. Он опустился рядом и погладил ее по залитой слезами щеке, впервые прикоснувшись к ее лицу. Схватив его руку, она прижалась к ней лицом. Сергей старался не смотреть на ее круглое выставившееся из мешка плечо, упругую грудь. И без того страшно хотел ее, но считал это оскорблением памяти недавно погибших жены и друзей. Странная штука жизнь, которая свела вместе недавних злейших врагов, заставила их спать в обнимку, в тесном спальнике. У него еще была свежа в памяти ненависть, которую выплеснула ему в лицо Ольга, прошипевшая на дне рождения мужа, что желает ему загнуться самой страшной смертью. Загнулся, но не он, а ее Олег, его лучший друг. А они, вот остались в одиночестве, и ласково он успокаивает сейчас Ольгу. А его Марины нет, и никогда больше не будет. О, господи!

У него спазмом сдавило горло. Слезы сами собой хлынули из глаз. Ну почему так несправедлива жизнь?! Ведь Марина всего за несколько часов, до своей трагической гибели, обрадовала его долгожданной вестью о своей беременности вдруг... Господи! За что ему такое наказание?! Почувствовав его отчаяние в порыве сочувствия, Ольга села, и не обращая внимания на прохладный ветер, овевающий обнаженное тело, по-родственному нежно и крепко обняла его, прижав к своей полуобнаженной груди. На него пахло знакомым запахом духов жены, таким родным и волнующим, что его сердце сдавила невыразимая тоска. Сдавленное рычание вырвалось из его груди.

— Поплачь, поплачь Сереженька, облегчи душу, — ее голос так напомнил ему голос жены, что ему на миг показалось, будто это к ее такой любимой и желанной груди прижималось сейчас его мокрое от слез лицо. Вдохнув будоражащий запах тела, он в порыве благодарности чмокнул Ольгу в грудь. Она охнула и крепко прижала его к себе. Ольга думает, что ненавидит его, потому что влюблена в него, — мгновенно прозрел он. Или притворяется, а ее ненависть, всего лишь обыкновенная игра, густая завеса, за которой она пытается скрыть от него свои истинные чувства. Сейчас, ей незачем прятать их. Им больше ни что не мешает любить друг друга. Господи! Как запутана и сложна жизнь!

Пока он ремонтировал пробитое днище лодки, день прошел незаметно. Слава богу, что в ней уцелел ЗИП. Благодаря ему, он смог наложить многослойную заплату из стеклоткани. Пока эпоксидка схватится, им придется потерпеть еще сутки, а потом можно собираться в путь. Жаль, что мотор утонул. Зато почти полный бензиновый бак, находится на месте. По крайней мере, найдется, чем заправить зажигалку, да и костер быстро разжечь в ненастную погоду. Что, особенно ценно в их положении. Ольга уже была в мешке. Быстро поужинав, он сбросил верхнюю одежду и, чувствуя щемящее беспокойство, расстегнул мешок. Ох, как тепло и тесно в нем. Пришлось плотно прижаться к ней и, черт возьми, возбуждаться, от прикосновения ее таких уютных бедер. А тут еще под руку попала ее голая грудь.

— У меня совсем разорвался лифчик, — как бы услышав его мысли, смущенно прошептала Ольга. — Извини.

От ее извинений ему легче не будет. Какие тут извинения, если к твоей груди прижимается тугая женская грудь, а твердые соски, волнуя, щекочут кожу? Он беспокойно пошевелился и,

не зная, куда девать руки, опустил их на бедра Ольги. Какие они упругие! Ну почему она такая женственная и красивая. У нее лифчик порвался. У него самого от трусов остались одни лишь воспоминания. Сегодня переворачивая лодку, присел, а они треснули по шву. Что там щекочет?

Ох, черт! Член вылез из прорехи. Да ведь на ней тоже нет трусов. Значит, щекочут ее волосы. Лучше не шевелиться. Нет сил, терпеть это. И без того, он, кажется, упирается ей явно не в живот и не в ногу. А во что тогда? Что может быть таким мягким и податливым? Ясно что. Почему же тогда она так сильно дрожит?

Что за идиотские мысли? По той же причине, что дрожу я. Ольга, милая, не надо! — Мысленно молил он. — Мне плохо. Мне жутко тяжело лежать рядом с тобой, чувствовать тебя и...

— У меня затекли ноги, — виновато прошептала Ольга.

Она шевельнулась и... он начал медленно тонуть, потому что его член, уже давно находившийся в преддверии ее влагалища, растворил ворота и вошел в него. Они лежали, оцепенев, а ее влагалище, то радостно расслабляясь, то, сжимаясь на нем, то понемногу заглатывая его, обильно смазывало его путь. Легкое движение женских бедер и Сергей сразу же ощутил ее дно. Горячие стенки медленно сжались на нем и, прорвав плотину, из члена неукротимым бурным потоком, в лоно Ольги хлынули потоки живительного семени.

Все! Он сделал это. А ее влагалище продолжало страстно и трепетно сжиматься на члене. Я хочу. Я хочу ее! Ольга крепко прижалась бедрами и их лобки слились.

— Д-да! — Счастливо выдохнула она. — Наконец-то, это случилось!

Он молча опрокинулся на нее и начал с такой неистовой яростью любить ее, что обтягивающий их тесный мешок затрепал, грозя треснуть.

— Я рожу его тебе любимый, обещаю. У тебя все равно будет свой малыш!

— Откуда ты знаешь об этом?! — Потрясенно спросил он. Он, что-то не припоминал, что кому-либо рассказывал о своей мечте завести ребенка.

— Мне это сердце подсказало. Я постараюсь. Вот увидишь, я рожу его тебе. Даю слово.

Они благополучно вернулись домой, и Ольга, как ему было обещано, родила сына. Держа его на руках, Сергей временами замирал, сожалея о той, своей прежней женщине, которая так не родила ему младенца, того самого, который погиб вместе с ней, так и не увидев белый свет.

E-mail автора: severin809@rambler.ru